

Мировой кризис. Прогнозы завтрашнего дня

Бахытжан Ауельбеков

Часть II

Тревожная ситуация, складывающаяся в современной мировой экономической системе, заставляет внимательно исследовать ее. Очень многие факты указывают на то, что положение, в какое вошла мировая экономика, беспрецедентно, не имеющее аналогов в истории. Заходит в тупик сама модель развития, которая предлагалась человечеству в течение ряда десятилетий. А это означает, что существующую модель мировой экономики необходимо менять. В противном случае колоссальные потрясения представляются неизбежными. Чтобы понять причины, по которым сотрясает планетарную экономическую систему, необходимо внимательно проследить, как она формировалась и развивалась в течение столетий и в каком направлении движется. Нынешние потрясения уходят своими корнями в далекое прошлое.

Мы уже указывали, что в основе того экономического рывка, какой удалось совершить Западу, лежит его мировая экспансия, начавшаяся в эпоху Великих географических открытий. Торговые связи с Востоком Запад имел еще до нашей эры, но это были сухопутные связи. Активность их возросла после того как португальский мореплаватель Васко да Гама открыл морской путь в Индию. Однако само по себе открытие этого пути еще не вело к дестабилизации устоявшейся системы хозяйствования на планете. Все начало меняться после открытия Америки Христофором Колумбом.

Заметим, развитие западной экономики носит аномальный характер. В слово «аномальный» мы не вкладываем никакого негативного смысла. Однако представьте себе: каким бы путем пошло развитие Запада (в широком смысле), если бы Америка не была открыта или ее открыли бы на два-три столетия позже, или ее совсем не существовало? Понятно, что история человечества в этом случае пошла бы совсем по другому пути, мы даже не знаем, какому, но в любом случае современный мир выглядел бы совсем иначе. Между тем, открытие Американского континента вовсе не запрограммировано в развитии западной (и мировой) экономики – это совершенно непредусмотренный и непредсказуемый фактор, ни в какие экономические закономерности не укладывающийся. И именно он перевернул все течение мировой истории. Не будь его, все шло бы совсем по-другому. А когда этот фактор вмешался, то он сразу двинул западную экономику в том направлении, какое ни в самой структуре, ни в истории развития западной (и любой другой) экономической системы вовсе не заложено. Западный путь развития – это не норма, а отклонение от нормы, которое возникло вследствие выхода на историческую сцену непредсказуемого обстоятельства (открытия Америки), сбившего Запад с «истинного пути», по которому он шел на протяжении столетий и даже тысячелетий.

Это – экономическая аномалия, из законов экономики она не вытекает. Из экономических законов вытекает совсем другое – рост за счет развития собственных производительных сил, а вовсе не за счет эксплуатации и ограбления целых континентов, формирование экономических систем, рассчитанных на собственное производство и торговлю с другими странами (другими системами), а не колониализм, сделавший фундаментом развития западной экономики разрушения всего незападного мира. Самое же странное, что эту западную экономическую аномалию очень многие принимают именно за норму, хотя на самом деле все обстоит ровно наоборот. И сама система эта (западная) по историческим меркам сформировалась совсем недавно, и возникла она под

влиянием совпадения ряда по сути случайных факторов, и невозможна она для других, незападных стран, и срок ее функционирования, по всем признакам, истекает. Главная опасность – как бы эта система при своем крушении не утащила бы за собой в пропасть весь мир.

Кстати говоря, не все это знают, Колумб решился на свое плавание (он искал вовсе не Америку, а другой путь в Индию) только потому, что расчеты, на которые он опирался, преуменьшали размеры земного шара в четыре (!) раза. Вследствие неудовлетворительного состояния науки того времени Колумб наткнулся на Америку (точнее, на один из островов (Сан-Сальвадор) будущей Вест-Индии) именно там, где рассчитывал найти Индию. Это тоже была случайность – команда, напуганная трехнедельным плаванием в неведомые воды, уже была на грани бунта и Колумбу пришлось обещать ей, что повернет обратно, если в ближайшие два дня не покажется земля. Еще пару дней, и открытие Америки было бы отложено надолго. Ну а если бы Колумб знал истинные размеры Земли, то он на свое плавание не рискнул бы никогда. И никто бы не рискнул. И как бы тогда сложилась история человечества?

Как бы то ни было, но открытие Американского континента состоялось (правда, европейцы поняли это не сразу, сначала полагали, что это Индия). Очень скоро в Европу хлынул поток американского (его тогда называли «испанским») золота и серебра, что оказало колоссальное влияние на всю европейскую историю: произошла резкая стимуляция экономического развития, появилась возможность финансировать наемные армии, флот, войны начали принимать масштабы и характер, какого они ранее не имели, весь «европейский дом» пошел ходуном.

(Заметим, что с открытием морского пути в Индию начался экономический, и как следствие, общий упадок Турции. Ранее Турция, перекрывавшая торговые пути, никого не пускала через свою территорию – она богатела на транзитной торговле: генуэзские и венецианские купцы приплывали в Стамбул или Алжир и там закупали восточные товары. После того, как Васко да Гама нашел путь в Индию вокруг Африки, Турция стала быстро терять свое значение в международной торговле, соответственно, экономические возможности ее стали слабеть, что предопределило закат империи Османов.)

Поток «испанского» золота дал мощнейший импульс колониальной экспансии Европы и стимулировал ее экономику. Многие полагают, что колониализм – это дело очень простое – кого хочу, того и колонизирую. На самом деле, колониализм – это само по себе гигантское предприятие, требующее наличия мощного промышленного потенциала. Такой потенциал за всю историю человечества был создан только один раз. Это произошло в Западной Европе как раз к началу Великих географических открытий. А громадный приток «испанского» золота дал толчок к резкому возрастанию этого потенциала во много раз. «Испанское» золото растекалось по всей Европе (в самой Испании его оседало мало) и стимулировало развитие всего региона. Не будь этого обстоятельства, Европа, скорее всего, до сих пор выглядела бы довольно непривлекательно. А уж какие социальные катаклизмы сотрясали бы ее, трудно даже представить!

Выдающийся французский историк экономики Фернан Бродель (1902 – 1985) пишет:

«...С Испанией произошло то же, что произошло с Португалией. Перед лицом своей новой задачи по ту сторону Атлантики – эксплуатации и строительства Америки – она обретала необходимый вес... с разнообразной помощью всей Европы. Ей нужны были лес, брусня, смола, суда, пшеница и рожь стран Балтийского бассейна; для переправки в Америку ей требовались промышленные изделия, холсты, легкие сукна, скобяной товар Нидерландов, Германии, Англии, Франции в огромных количествах... Бывало даже, что корабли с Севера реквизировались ради увеличения флотов Пути в Индии. Невозможно даже описать, насколько такая связь Севера с Пиренейским полуостровом была важна в истории всего мира.

...Испания не в состоянии была в одиночку эксплуатировать колоссальный рынок Нового Света. Даже мобилизовав все свои силы... ей – державе еще архаической – не удавалось его уравновесить. Впрочем, в XVIII в. для этого не хватило бы никакой европейской нации.

В результате Испании пришлось прибегнуть к помощи Европы... и Европа поспешила ухватиться за эту возможность. Она участвовала в эксплуатации иберийских колоний еще больше, чем сама Испания, о которой Эрнст Людвиг Карл говорил в 1725 г., что она-де есть «всего лишь перевалочный пункт для иноземцев», – точнее, скажем мы, посредница... Португальский иезуит о. Антониу Виейра воскликнул во время проповеди в Белине (Бразилия): «Испанцы добывают серебро из рудников, они его перевозят, а выгоду от этого имеют чужеземцы» (Фернан Бродель. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, X–XVIII вв.* Т. 3. М.: Прогресс, 1992).

Тут надо понимать следующее. Говоря о колониализме, мы обычно имеем в виду мировую экспансию колониальных держав – Великобритании, Испании, Франции и т. д. Но это заблуждение. В западной эпохе колониализма участвовала вся Европа, всем своим экономическим потенциалом, даже те страны, которые никаких колоний не имели вообще. Ни одна европейская держава такое гигантское предприятие, как колониализм, в одиночку никогда бы не потянула. Тут требовался объединенный экономический потенциал всего будущего Запада (в современном смысле).

«Вы когда-нибудь задумывались над тем, как открытие Америки спасло Западную Европу? Именно приток американского золота и колонизация новых земель обеспечили западникам сильнейший рывок вперед в экономическом развитии и в технологиях. Американская эпопея, начатая Колумбом, породила и создание «экономики океанских пушечных кораблей», и начало промышленного переворота, и переход к революции в военном деле... Бедная, голодная, разрываемая социально-религиозными конфликтами Европа с ее крошечными и бардачными «армиями» в XVI–XVII столетиях... завидовала богатой Турции, и многие мечтали в ней о заимствовании османских порядков. Тем более что какие-нибудь протестанты, ища поддержки в борьбе против католического Рима, вполне могли призвать на помощь османов, рассчитывая на их веротерпимость» (Калашников. М. *Новая инквизиция.* М.: Алгоритм, 2014).

А приток «испанского» золота из-за океана был колоссальным. Хорошо известно, какие гигантские прибыли извлекала Британия из Индии. Но приток золота и серебра из Америки превзошел даже их. «Испано-португальская Америка ежегодно доставляла Европе намного больше, чем Индия с сотней миллионов жителей. Это было мировым сокровищем номер один» (Бродель Ф.).

«Даже в начале XIX веков в Латинской Америке добывалось драгоценных металлов вдесятеро больше, чем во всех остальных странах мира, вместе взятых. Американские золото и серебро сыграли свою роль в развитии капиталистической промышленности и торговли Западной Европы так же, как и превращение Африки в огромный загон для отлова негров-рабов. Награбленные Испанией богатства в очень малой степени оседали в стране. Большая их часть уплывала в более развитые страны, обладавшие товарами для экспорта: Англию, Нидерланды, Францию» (Черниловский З. М. *Всеобщая история государства и права.* М., Юрист, 1995).

Освоение захваченных континентов было делом исключительно тяжелым, и браться за него желающих не находилось. Пришлось прибегнуть к насилию. Мы привыкли думать, что колонии осваивали колонисты, но это не совсем верно. На самом деле их осваивали каторжники, колонисты появились позже, когда почва для них была уже более-менее подготовлена каторжниками. Это была чисто ГУЛАГовская система, без нее освоить колонии было бы просто невозможно.

«...В некоторых кварталах Парижа проводили облавы. В Бристоле попросту похищали мужчин, женщин и детей... При Кромвеле состоялись массовые отправки шотландских и ирландских заключенных. С 1717 по 1779 годы Англия направила в свои

колонии 50 тыс. ссыльных, и в 1732 г. гуманный евангелист Джон Оглторп основал новую колонию Джорджию, желая собрать там весьма многочисленных заключенных за долги.

...Первой колонией, появившейся в Австралии, стала колония заключенных. Первый конвой осужденных преступников прибыл на австралийский континент 16 января 1788 г., а точнее на рейд Порт Джексон, где позднее вырастет Сидней. Каторжников отправляли в Австралию до 1868 года, и вплоть до 1840-х годов именно они составляли большинство европейского населения страны» (Ф. Бродель. «Время мира»).

«Начиная с XVI–XVII столетий, а все более в XVIII в. европейские державы стали прибегать к замене тюремного наказания ссылкой в колонии... Английские мировые судьи стали направлять туда всю основную массу бродяг и нищих, бывших жертвой первоначального накопления капитала. Об их дальнейшей судьбе государство не заботилось. Графства, собрав должное число ссыльных, вступали в договор с перевозчиком – частным лицом, которому за ничтожную палату продавали осужденных. Тот надевал на них цепи и отправлял в трюм. Пищу бросали туда же. От спертого воздуха и от дурной пищи многие умирали. Мертвые разлагались здесь же, ибо о них умалчивали ради пайка, который доставался живым. По прибытии на место ссыльные продавались.

Колонисты передавались, как правило, для работы на частных плантациях. Большая часть ссыльных умирала, не выдержав губительного климата тропиков... Смертность достигала в Гвиане примерно 25% в год, но поднималась и до 50%. Это была та же смертная казнь, но только медленная и мучительная» (Черниловский).

Набрать каторжников для освоения колоний было легко, поскольку в те времена европейские законы (в отличие от мусульманских, индийских, японских или китайских) отличались невероятной свирепостью.

«В начале XIX века английские законы угрожали смертной казнью почти за все мыслимые и немыслимые преступления (по 240 составам!). Смертью каралось не только убийство или грабёж, но также увечье животных, письменная угроза, лесная порубка и почти всякая, в том числе копеечная, кража (например, вещи, стоящей один шиллинг, если она украдена на рынке, и 5 шиллингов, – в доме или в лавке).

...В течение всего XIX столетия уголовное право европейских стран обнаруживает страшный разноречивый в определении возраста, с которого лицо должно нести ответственность. Французский уголовный кодекс 1810 года хранил на этот счет молчание, предоставляя решение вопроса об ответственности судам, а о привлечении – прокуратуре. Вследствие этого не раз случалось, что на скамье подсудимых оказывались дети 5 – 6 лет. В одном случае судили ребенка в возрасте 6 лет, а свидетелем был ребенок 4 лет» (Черниловский).

Это в Европе в XIX веке! О том, что творилось в предшествующие столетия, даже подумать страшно. К смертной казни людей приговаривали за любой чих и огромными массами, затем казнь заменялась каторгой (проявление гуманизма!), а каторжников отправляли осваивать колонии, где они в своем большинстве погибали, но не быстро, как на виселице или на плахе, а медленно и мучительно.

Все это, конечно, довольно неприглядные страницы в европейской истории, но следует все-таки признать, что если бы не был задействован механизм «европейского ГУЛАГа» (а система эта была абсолютно ГУЛАГовская!), то никогда не состоялось бы освоение колоний, не состоялась бы западная экономика, попросту не состоялся бы Запад, как мы его сегодня понимаем. Следует признать, что именно система «европейского ГУЛАГа» лежит в основе Запада в его современном виде. При этом заметим, что если заключенным сталинского ГУЛАГа все-таки предъявляли какие-то обвинения, было какое-то следствие и их все-таки судили (пусть и по упрощенной процедуре), то в Европе нередко людей попросту отлавливали, заковывали в цепи и отправляли в колонии на медленную смерть, без всякой бюрократии. («В некоторых кварталах Парижа проводили облавы. В Бристолле попросту похищали мужчин, женщин и детей».) Но не будь этих

ужасных страниц европейской истории, что было бы с Европой? Какая печальная судьба ее ожидала?

Попутно колониализм спасал Европу от колоссальных социальных катаклизмов, попросту говоря, от революций. Великий колонизатор Сесил Родс, именем которого когда-то называли целые страны (Северная Родезия, Южная Родезия), выступая в британском парламенте, говорил:

«Я был вчера в лондонском Ист-Энде и посетил собрание безработных. Услышав там душераздирающие речи, которые были сплошным криком: Хлеба! Хлеба! – я, идя домой и, размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма... Моя заветная идея – решение социального вопроса, а именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами» (Давидсон А. Б. Сесил Родс – строитель империи. М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998).

Между прочим, если бы колонии не были захвачены, Европа просто взорвалась бы от демографического давления и сопутствующих ему нарастанию социальных проблем. Отток европейского населения в колонии стал предохранительным клапаном, ослабившим «давление пара» и спас континент от совершенно чудовищных последствий. «С 1881 по 1915 год из Европы эмигрировал 31 миллион человек – почти по миллиону в год» (Давидсон). И это только с 1881 по 1915 год! А всего же...

Известный египетский историк и экономист Самир Амин пишет:

«Демографический взрыв в Европе, вызванный, как и в нынешнем третьем мире, возникновением капитализма, был компенсирован эмиграцией, которая населила обе Америки и другие части мира. Без этой массовой завоевательной эмиграции (население потомков европейцев вдвое превышает сегодня население регионов, откуда происходила миграция) Европа была бы вынуждена осуществлять свою аграрную и промышленную революцию в условиях такого же демографического давления, которое испытывает сегодня третий мир». На самом деле не было бы никакой «аграрной и промышленной революции», а было бы море крови, в котором утонули бы все.

Когда резерв каторжников стал сокращаться (всех не пересажаешь), наступило время рабства.

«...Виды рабства в Америке замещали друг друга и в некотором роде между собою сообщались: заканчивался один вид, утверждался другой. Смена эта происходила не автоматически, но в целом правило было очевидно. «Белое рабство» вступило в игру лишь в той мере, в какой недоставало индейского, а рабство негров, эта громадная проекция Африки в Новый Свет, развилось только из-за нехватки труда индейцев и рабочей силы, доставляемой из Европы. Там, где негр не использовался, например, при возделывании пшеницы к северу от Нью-Йорка «белый раб» сохранялся вплоть до XVIII в. Следовательно, на карту были поставлены потребности колониальной экономики, которая диктовала изменения и последовательность по причинам экономическим, а не расовым. Эти причины не имели ничего общего с цветом кожи» (Бродель).

Расплачиваться же за колониальную политику пришлось населению захваченных континентов, от которого колонизаторы постарались избавиться, освобождая для себя «жизненное пространство».

«В пору моей юности американских школьников учили, что до Колумба коренное население Северной Америки составляло не более миллиона человек. Такая скромная цифра была очень удобна, потому что представляла завоевание континента белыми в менее мрачном свете – ведь получалось, что он был практически безлюден. Однако теперь, в результате археологических раскопок и анализа свидетельств, оставленных первыми европейцами в наших краях, оценка предполагаемой численности индейского

населения выросла примерно до 20 миллионов. Для обеих Америк сокращение коренного населения за одно-два столетия после прибытия Колумба оценивается сегодня совсем другими цифрами – до 95%.

...В восточных Соединенных Штатах индейцы, по крайней мере, занимались земледелием и обеспечивали европейских поселенцев необходимым зерном, чтобы те смогли выжить в первые годы, пока европейцы не начали выращивать собственное зерно. Впоследствии индейские фермеры стали для американцев просто конкурентами и были убиты или же изгнаны. Австралийские аборигены, однако, не занимались земледелием, следовательно, не могли обеспечить переселенцев пищей, и в тех местах, где первоначально селились белые, аборигенов убивали. Такая политика проводилась в Австралии и в дальнейшем, когда белые стали расселяться в районах, пригодных для сельского хозяйства.

... К примеру, в 1808 г. британский моряк по имени Чарли Сэвидж, вооруженный мушкетами и к тому же великолепный стрелок, прибыл на острова Фиджи... Среди многих его подвигов был и такой: от устья одной из рек он добрался на каноэ до фиджийской деревни Касаву, остановился на расстоянии чуть ближе пистолетного выстрела от деревенской ограды и стал палить по ее беззащитным жителям. Убитых было так много, что выжившие складывали их в кучи, чтобы укрыться самим, а река в том месте, где она протекала мимо деревни, стала красной от крови. Подобные примеры могущества огнестрельного оружия против невооруженных туземцев можно было бы приводить до бесконечности.

...Уничтожение крупных коренных популяций... происходило в ходе полномасштабных войн, в которых крупным обществам все чаще противостояли профессиональные войска... Эти военные кампании являлись орудием превосходящей политической организации – изначально государств-метрополий, затем колониальных властей в Новом Свете и наконец созданных европейцами на месте колоний независимых государств.

Более малочисленные народы истреблялись не столь систематично: в основном за счет периодических вооруженных рейдов и расправ, которые организовывались частными гражданами. ...Взять только один пример – северокалийфорнийское племя яхи численностью около 2 тысяч человек, из которых никто не владел огнестрельным оружием. Племя перестало существовать всего лишь после четырех рейдов вооруженных белых поселенцев: утреннего набега на деревню яхи 6 августа 1865 г., в котором принимало участие 17 человек; нападения на яхи, попавших в засаду на дне оврага, в 1866 г.; расправы над 33 индейцами, перед этим загнанными в пещеру, около 1867 г. и учиненной 4 ковбоями окончательной расправы над 30 яхи, которые снова были вынуждены укрыться в пещере, около 1868 г. Многие индейские племена бассейна Амазонки похожим образом были истреблены белыми поселенцами в ходе каучукового бума конца XIX – начала XX в.» (Дж. Даймонд. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих сообществ. М.: АСТ, 2004).

«...Туземное население, противостоящее испанцам, голландцам, французам и англичанам, было «устранено»... Центральная Мексика, имевшая население в двадцать пять миллионов жителей, дошла до остаточного населения в один миллион... Впечатляющая деталь: в Мексике в начале конкисты францисканцы проводили службы на папертях своих церквей – такими многочисленными были толпы верующих; но с конца XVI в. мессу служили внутри этих же самых церквей, даже в простых часовнях» (Ф. Бродель. «Время мира»).

Истребление туземного населения, разумеется, проводилось не только методом прямого физического насилия, но и, например, путем продажи ему зараженных оспой одеял, отравленной муки или создания искусственного голода: потребность в расширении «жизненного пространства» была велика...

«...Уничтожение бизонов имело политический смысл. Бизоны кормили и одевали индейцев. Бизоны кочевали по равнинам, а вслед за ними переходили и индейские племена: бизоны для индейцев были основой жизни. И тогда завоеватели пошли походом на бизонов. Специальные отряды солдат и «добровольцы», которых власти бесплатно снабжали боеприпасами, начали планомерное наступление. Отряды шли по «бизоньим тропам» – по дорогам, которые прокладывали в прериях и на равнинах кочующие животные. И трупы бизонов усеяли эти тропы. Истребители бизонов не могли унести с собой даже самую небольшую часть трофеев. Их задачей было другое – обречь индейцев на голодную смерть.

В 1801 году на Великих равнинах не осталось ни одного бизона. Через 32 года не осталось ни одного бизона на всем пространстве от Нью-Йорка до Миссисипи... В 1880 году уничтожили последних бизонов на Севере: разыскали крупное, случайно уцелевшее стадо, охотники в течение трех месяцев полностью истребили его» (Дмитриев Ю. Д. Человек и животные. М., 1973).

Но так или иначе, колониальная экспансия состоялась. А в середине XVIII века в Европе (точнее, в Британии) началась промышленная революция, которая дала новый толчок к переформатированию экономического облика планеты. Причина промышленной революции – стечение сложных обстоятельств. Британские острова, как известно, всегда были покрыты густыми дубовыми лесами, по которым бродили разного рода робин гуды, а за ними охотились шерифы. Островное государство, понятно, нуждается в корабельном лесе. С течением столетий дубовые леса в Британии были почти полностью вырублены для строительства кораблей, на топливо и на производство древесного угля без которого выплавка железа была невозможна. (Уже к началу XVIII века корабельный лес доставлялся в Британию только из Канады.) Все это заставило британцев переходить на использование каменного угля.

Однако когда угольные шахты углубились на 40 – 60 метров, их стали затапливать грунтовые воды. Возможностей гидравлических колес, используемых для откачки воды (в некотором роде прототипы помпы), оказывалось недостаточно. Необходимость в мощных насосах привела в конечном счете к тому, что в 1712 – 1718 гг. здесь появились громоздкие, тяжелые и очень дорогие пароатмосферные машины для откачки воды Ньюкомена. Занимаясь починкой одной из таких машин, шотландец Джеймс Уатт, работавший в университете в Глазго, задумал создать собственную паровую машину, которая была бы проще и эффективнее, что и произошло в 1776 г. (патент 1784 г.). Ну а после создания парового двигателя оставался один шаг до создания паровоза (рельсы тогда уже были, только деревянные), самоходной повозки (пробраза автомобиля), парохода и т. д.

К этому времени европейцы уже познакомились с достижениями арабской науки, хотя произошло это довольно поздно (работы Архимеда, например, стали известны на Западе только в последние годы XVI века).

«Именно в науке сарацины (так иногда называют мусульманин этого блестящего периода) принесли особенно много. Достаточно упомянуть тригонометрию и алгебру. В тригонометрии они «придумали» синус и тангенс. Мухаммад Ибн Муса в 820 г. опубликовал трактат по алгебре, в котором дошел до уравнений второй степени. Переведенный на латинский в XVI в. этот трактат станет основополагающим для математиков Запада. Позднее мусульманские алгебраисты решали даже бинарные уравнения...» (Ф. Бродель).

«В Средние века исламский регион находился на переднем крае развития технологий и инноваций. Здесь поддерживался гораздо более высокий уровень грамотности населения, чем в тогдашней Европе; здесь были изобретены или существенно усовершенствованы ветряная и приливная мельницы, тригонометрия и латинский парус; здесь были впервые опробованы некоторые важные новшества в металлургии, механической и химической инженерии и ирригации; наконец, средневековые мусульмане

переняли у китайцев употребление бумаги и пороха, и именно через них эти изобретения попали в Европу. В Средние века технологии преимущественно мигрировали из мусульманских стран в Европу, а не наоборот, как сегодня» (Дж. Даймонд).

Таким образом, тут сработал ряд факторов. Знакомство с достижениями мусульманской науки двинуло вперед европейскую науку. Этот научный подъем сделал возможным промышленную революцию, когда из-за стечения сложных обстоятельств необходимость в ней назрела. А все вместе взятое обеспечило Западу возможность окончательной колонизации большей части планеты, превращения незападных регионов в источник полезных ископаемых и рынок сбыта.

К чему весь этот длительный исторический экскурс? К тому, что без понимания всех этих вещей невозможно понять причины проблем сегодняшнего дня. В качестве оптимальной экономической модели у нас принято считать именно модель Запада, которая к нашей реальности вообще не имеет и никогда не имела никакого отношения. Эта модель, сформировалась как модель колониальная, нацеленная на захват и ограбление целых континентов, выкачивание из них ресурсов и превращение их рынок сбыта. Без ее колониального прошлого ее просто нет смысла рассматривать. На каком-то этапе Западу удалось переформатировать почти всю планету под свои потребности. Однако сейчас эта модель зашла в исторический тупик и явно доживает последние дни.

Дело в том, эта экономическая система ориентирована исключительно на извлечение прибыли. В период подъема, когда Запад осуществлял свою мировую экономическую экспансию, прибыль извлекалась за счет все больше производства и расширения рынков сбыта. Однако со временем ситуация изменилась, и очень быстро. Для того чтобы извлекать больше прибыли желательно снижать издержки на заработную плату. А это значит, что выгодно переносить производство в страны с наиболее дешевой рабочей силой. Никто не успел опомниться как произошла фактическая деиндустриализация Запада.

Бывший советник президентов Никсона и Рейгана Патрик Бьюкенен пишет:

«Наиболее мощная на свете индустриальная держава утратила свое могущество. Промышленная база США подорвана... Завершилась деиндустриализация страны, а наши мужчины и женщины очутились в условиях дарвиновской конкуренции с иностранной рабочей силой, готовой трудиться за пятую или даже десятую часть зарплаты среднего американца. Сегодня лишь 11% американцев трудится в промышленности; мы вступили на дорогу к гибели, причем эта гибель не будет, если позволительно так выразиться, естественной. Это преднамеренное убийство. Глобалисты и корпоралисты организовали уничтожение американской промышленной базы; их поддерживают апологеты свободной торговли, не понимающие, что теории, преподанные в колледжах профессорами экономики, убивают страну, которую они клялись защищать. А может, они и понимают – но им все равно.

...Америка сегодня демонстрирует все признаки «впадения в старость». Мы тратим больше, чем зарабатываем. Мы потребляем больше, чем производим... Если попробовать описать нынешнее состояние государства одним словом, этим словом окажется «нежизнеспособность».

Пол Крейг Робертс констатирует: «Среди двадцати трех товаров, которые приносят Америке прибыль в торговле с Китаем, соевые бобы, зерно, пшеница, корма для животных, мясо, хлопок, металлическая руда, скрап, шкуры животных, макулатура, сигареты, золото, уголь, минеральное топливо, рис, табак, удобрения и стекло. Просто поразительно, что американский экспорт подозрительно напоминает экспорт колониальной страны девятнадцатого столетия».

Такую картину мы увидим сегодня по всему Западу. Российский журналист Георгий Зотов отмечает: «Спросите на улице в России любого человека – он и то расскажет вам об экономике Германии. Автомобили, кроссовки известных марок у нас знают все. На первый взгляд ФРГ разбогатела на машинах, одежде и электронике... Вы удивитесь, но

это вовсе не так. В 2007 г., перед крахом мировой экономики, 78% (!) немецкого ВВП составляла сфера услуг (магазины, парикмахерские, рестораны) и лишь 20 – промышленность» (АиФ № 17, 2013). И это Германия, экономика которой считается самой мощной в Европе. Про другие европейские страны и говорить не приходится.

«В Германии, последнем уцелевшем крупном индустриальном центре Европы, доля собственного автопрома на внутреннем рынке – 56%. В целом доля иностранных товаров в немецких магазинах – 46%. Во многих странах ЕС, особенно небольших, на собственное производство приходится только 10 – 15% потребительских товаров. Что касается США – там импорт захватил 95% продаж электроники, 65% – автомобилей. Даже Япония, построившая свое благополучие на экспорте электроники, с 1970 по 2013 г. нарастила долю импортных товаров с 11 до 36%» («АН», 6 марта 2014 г.).

Деиндустриализация Запада – это факт. Вся эта система продолжает как-то держаться, но только за счет существования доллара как мировой валюты. Реально же дело обстоит так. Сейчас все основные ресурсы находятся в странах «третьего мира». Там же сосредоточены все основные промышленные предприятия планеты и вся основная рабочая сила. И потенциально самый емкий рынок на планете тоже там. А Запад? А на Западе почти ничего нет. Когда эта система рухнет, – а она не может не рухнуть, поскольку за исключением доллара все остальные факторы, обеспечивающие устойчивость и жизнеспособность экономики отсутствуют – мировой экономике угрожает крах.

После финансового кризиса 2008 года Федеральная резервная система США закачала в международные банки 16 трлн. долларов. Сумма астрономическая. Что ж, на этот раз мировую финансовую систему спасли. Ну а что будет в следующий раз? Причины-то, ведущие мировую экономику к краху, не устранены. А это значит, что «продолжение следует».

Ощущение надвигающейся катастрофы охватило весь Запад. Отсюда необычные шарахания в его политической жизни когда, скажем, в качестве претендента на президентский пост вдруг выдвигается невообразимый Дональд Трамп и непредсказуемый, никем не предвиденный успех Берни Сандерса, открыто позиционирующего себя «демократическим социалистом» и «антикапиталистом». Нечто подобное наблюдается и в Европе.

Экс-депутат Европарламента, популярный публицист, политолог и писатель Джульетто Кьеза констатирует:

«Мы идем к авторитарным решениям, это очевидно. Потому что если Европа будет продолжать идти по курсу МВФ, участь Греции, Ирландии, Португалии постигнет всех – люди вдруг окажутся в ситуации, при которой потеряют практически все социальные привилегии, которые в послевоенный период осуществились в Европе. Таким образом, не останется другого варианта, кроме популистского.

Смотрите на ситуацию в Италии: у нас уже есть фашисты в правительстве. Пока они еще держат видимость сохранения демократических структур, но конституция наша явно под давлением. Анализируйте последние выборы в Финляндии: к власти пришли националисты. Ситуация в Голландии, где выборы выиграла самая экстремистская и ксенофобская партия. Старые структуры демократии были последствием определенной договоренности между народом и властью. Если эти договоренности сломаются, будет революционный исход. Левый – исключено, потому что люди уже достаточно оболванены и превратились в потребителей. Единственная логичная альтернатива – это популистская правая».

Но популизм не решает проблем. Где же выход? Это тема для отдельного и очень обстоятельного разговора. Скажем одно: вся мировая экономическая система нуждается в переструктуризации. В своем нынешнем виде она нежизнеспособна. Этот мир катится к катастрофе. Необходимо приложить все усилия, чтобы ее предотвратить.